

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 3

«ТЕНЬ»



Кирилл Попов

12+



Кирилл Попов

**УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Книга 3: «ТЕНЬ»**

«Автор»

2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 3: «ТЕНЬ» / К. Попов — «Автор», 2026

(1990–1995) В мире, где эмоции объявлены угрозой, майор Орлов получает предложение возглавить Службу Эмоциональной Безопасности (СЭБ) — проект по тотальному контролю над чувствами людей. Под видом стабильности рождается система подавления: камеры-считыватели фиксируют микровыражения, алгоритмы выявляют «нестабильных», а реабилитационные центры «стабилизируют» граждан с помощью блокираторов эмоций. Орлов, веря в идею порядка, запускает механизм новой реальности — но постепенно осознаёт цену «стабильности». Когда первые трещины появляются в безупречной схеме, вопрос встаёт ребром: можно ли построить будущее на отказе от человечности? Антиутопия о власти, контроле и цене абсолютной безопасности — с напряжённым сюжетом и глубокими этическими дилеммами.

© Попов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серый рассвет	5
Глава 2. Предложение, от которого не отказываются	8
Глава 3. Новое назначение	10
Глава 4. Архив «Омега» и Орлов	12
Глава 5. Рождение монстра	14
Глава 6. Дело школьницы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 3: «ТЕНЬ»

Глава 1. Серый рассвет

Молния старого спортивного костюма никак не поддавалась. Пальцы немного озябли — из оконных рам съёмной квартиры заметно тянуло утренней прохладой. Майор Орлов наконец справился с застёжкой, поправил капюшон окинул взглядом комнату. Пора было выходить.

Перед самой дверью он на секунду замер у стены. Там висела старая карта Прикаспийской низменности — пожелтевшие края, едва заметные карандашные пометки в районе бывшей советской лаборатории аномалий — зоны 51... Орлов быстро отвёл глаза. События тех лет оставили глубокий след, но офицерская выучка давно научила его главному: выполнять приказ и не задавать лишних вопросов. Прошлое должно оставаться под замком.

Утренняя пробежка, дань прежним спортивным традициям, давно стала для Орлова скорее ритуалом, нежели стремлением к здоровому образу жизни. Во время бега мысли складывались в чёткие образы, а мозг концентрировался на самых значимых событиях. Майор давно подметил это и использовал себе на пользу.

Он вышел из подъезда. Погода и звуки города не имели для него никакого значения. Орлов глубоко вдохнул чистый воздух и побежал. Шаг, ещё шаг. Ровный темп дыхания помогал настроиться на грядущий день.

Дистанция закончилась у маленькой уютной кофейни на углу. Майор толкнул деревянную дверь. Внутри, как обычно, пахло чем-то сладким и печёным — приторность этого запаха создавала ощущение сытости. Поэтому Орлов всегда заказывал лишь кофе с холодной водой. Этот странный напиток дарил ему ощущение свободы и одновременно служил маленьким, возможно, единственным несогласием с тем, что происходило в жизни, — внутренним протестом против установленных правил.

За столиками в тишине сидели несколько постоянных посетителей. Они не обратили внимания на вошедшего, словно его появление было привычным ежедневным событием.

Знакомая официантка — женщина лет пятидесяти с добрыми, но немного усталыми глазами — молча поставила перед майором чашку его необычного напитка и аккуратный бутерброд с сыром. Орлов с благодарностью кивнул и сделал первый глоток. Вкус кофе в холодной жидкости освежал и странным образом тонизировал, пробуждая мозг. Вокруг могли происходить любые перемены, но этот утренний ритуал оставался неизменным, возвращая ощущение контроля над собственной жизнью. Ежедневный мини-протест был выполнен, и оставалось послевкусие маленькой победы, которой Орлову вполне хватало.

Этот порядок держал его в тонусе: подъём, бег, чашка «холодного протеста» — понятный, чёткий алгоритм.

Орлов уже вернулся в квартиру и потянулся к замку, чтобы закрыть дверь изнутри, как вдруг тишину прихожей нарушил резкий, настойчивый звонок домашнего телефона. Почему-то он всегда считал этот звук противным — не из-за того, что сам звук был неприятен, а потому, что понимал: снова кому-то что-то от него нужно. Это ощущение скорее злило его, чем раздражало. Никто, кроме коллег с работы, ему не звонил. Майор понимал: если звонят с утра — дело серьёзное. Это вносило диссонанс в привычный алгоритм. Паники не было, но появилось внутреннее недовольство.

Орлов снял трубку на четвёртом гудке. Металлический, сухой голос на том конце провода не оставил времени на размышления. Министр требовал майора к себе. Немедленно.

Внутри сработал привычный триггер — не страх, а глухой сигнал настороженности, как на учениях при объявлении тревоги. Орлов не стал тратить секунды на лишние движения. Он принял контрастный душ буквально за минуту, бросил на тумбочку у телефона полотенце,

оделся и шагнул за порог. На улице ветер сразу швырнул в лицо горсть ледяных капель, но майор лишь сильнее натянул фуражку, удивляясь, как часто в средней полосе меняется погода.

Здание министерства общей безопасности встретило его монументальной тишиной. Высокие потолки, глушащие шаги ковровые дорожки и толстые стены старой имперской архитектуры — это место видело слишком много правителей и войн, чтобы реагировать на суету. Орлов коротко стукнул в массивную дубовую дверь и вошёл в кабинет.

Министр сидел неподвижно. Полированная поверхность стола из тёмного дерева тускло отражала свет тяжёлой люстры. Перед ним ровной стопкой покоились две папки, а чуть в стороне лежало раскрытое личное дело самого майора. Министр медленно поднял взгляд поверх очков. В глазах читался исключительно холодный, чистый расчёт.

— Майор Орлов, — голос прозвучал негромко, но отчётливо, — судя по вашему послужному списку, вы постоянно оказывались в весьма специфических подразделениях. На данный момент вы возглавляете службу контроля за системой видеофиксации стратегических объектов города. — Министр сделал паузу — его любимая уловка в разговорах с подчинёнными: резко менять тему и смотреть на реакцию собеседника. — Что вам известно об институте «Гармония»?

Орлов выпрямился, автоматически зафиксировав осанку. Скрывать очевидное не имело смысла. Он ответил прямо, без лишних интонаций:

— Это ведущий центр нейропсихологии, официальные данные открыты.

— А о закрытых разработках вам что-то известно? — Министр едва заметно улыбнулся, но эта улыбка оказалась лишь дежурной маской и не коснулась его глаз. — Вы ведь руководите службой городского наблюдения. «Всевидящее око» ваших сотрудников должно замечать детали. — Он демонстративно начал перелистывать личное дело Орлова.

Внутреннее напряжение Орлова усилилось, но внешне он остался неподвижен.

— Товарищ министр, я могу выдать необходимую информацию рапортом в установленные сроки, — сказал он.

— В этом нет необходимости, — министр закрыл личное дело и отвёл взгляд в сторону. — Я вызывал вас ради другого. Вам предлагается возглавить новую внутреннюю службу, которой у нас ещё никогда не было. Это ваш профиль, майор. Других кандидатов у меня нет. — Он снова посмотрел прямо на Орлова, и их взгляды встретились.

Орлов на мгновение замер. Опять чужая, тёмная система, где лишние расспросы быстро становились опасными. Но времена изменились — Союза больше не было, под сокращение мог попасть любой офицер. В памяти всплыл пустой холодильник на съёмной квартире, ворох неоплаченных квитанций за коммуналку, копеечная зарплата и глухая неизвестность впереди. В груди неприятно закололо от простого понимания: выбрать ему не из чего.

— Товарищ министр, — Орлов заговорил, едва не перебив собеседника, — это как-то связано с аномалиями?

— Не с самими аномалиями, а с жёстким контролем над ними. Если точнее — с их полным недопущением, — министр пододвинул к нему папки. — Берите, изучайте. Тут оперативный отчёт архива «Омега» и вся подноготная по институту «Гармония».

Орлов забрал папки. Пальцы ощутили плотный, шероховатый картон обложек и прохладу плотных листов внутри.

Министр молчал, не спуская с него глаз. В гробовой тишине кабинета мерно и тяжело стучал маятник настенных часов, отсчитывая время.

— Я согласен, товарищ министр. Каковы будут первые распоряжения?

Хозяин кабинета удовлетворенно кивнул, будто ни секунды не сомневался в исходе разговора.

— Разберитесь с документами и найдите себе толкового заместителя. Дел будет по горло. С этой минуты вы возглавляете Службу Эмоциональной Безопасности. В понедельник утром жду от вас детальный анализ этих бумаг и конкретный план действий.

Орлов вышел в коридор, крепко прижимая тяжёлые папки к локтю. Через панорамное окно было видно, как грязно-серое небо напозает на крыши домов. На тротуаре внизу ветер лениво гонял обрывки старых газет и мелкий мусор. Майор поглубже вдохнул сырой воздух и зашагал к массивным дверям на выход. Начиналась новая, совершенно непонятная работа.

Глава 2. Предложение, от которого не отказываются

Ливень не прекращался уже почти полдня. Крупные капли с силой колотили по асфальту, монотонно задавая ритм череде мыслей, которые быстро материализовались в события. Орлов шёл к дому быстро, пряча папки под плащом. Потоки воды стекали по козырьку фуражки, но он не обращал на это внимания.

В квартире его встретила привычная серая тишина, запах залежалой пыли и сырости. Орлов сбросил мокрую обувь, швырнул плащ на вешалку и сразу прошёл к столу. Оставив бумаги на старой скатерти, он подошёл к окну. За стеклом всё заволочло сплошной водяной стеной — соседние пятиэтажки едва угадывались в этой серой пелене.

Он щёлкнул выключателем настольной лампы. Из-под треснувшего пластикового абажура полился тусклый, моргающий свет. Орлов сел в кресло и придвинул к себе документы. От папок шёл отчётливый, едкий запах старых скоросшивателей — так пахнут бумаги, годами лежавшие в запертых сейфах без доступа воздуха. Но сами документы внутри были свежими, а фотографии — цветными, что говорило о многом.

«Значит, всё это развёрнуто не так давно, — подумал Орлов. — Цветные фото... В наше время. Они не экономят деньги на этом проекте. Здесь явно что-то серьёзное».

Пальцы коснулись обложки с надписью «Архив «Омега»». Фиолетовый штамп секретности был нанесён жирно, краска слегка въелась в картон. Орлов раскрыл папку. Внутри на металлических скрепках держались сотни плотных листов: бесконечные таблицы с шифрованными индексами и графики, исчерченные ломаными линиями с резкими пиками.

Орлов перевернул плотную страницу и непроизвольно задержал взгляд на вклеенном снимке. На нём застыли несколько человек. Мужчины и женщины стояли в неестественных, абсолютно одинаковых позах, а их глаза казались стеклянными, безжизненными. Внизу стояла короткая отпечатанная строчка: «Экспериментальная группа. Стабилизация завершена». По затылку майора пробежал неприятный озноб. Эти пустые лица вызвали смутное, гнетущее чувство — словно он уже видел нечто подобное в старых армейских кошмарах.

На следующем листе была серия портретов: подросток с намертво застывшей улыбкой, женщина со скрещёнными на груди руками, старик с отсутствующим взглядом. Текст под снимками состоял из сухих формулировок. Орлов медленно вчитывался в машинописные строки: фиксация эмоциональных всплесков у объекта, последующее применение блокиратора и мгновенное подавление любых реакций организма. В конце каждого рапорта стоял один и тот же итог: «Стабильное состояние достигнуто».

Вторая папка с надписью «Институт «Гармония»» весила заметно меньше, но плотность информации в ней оказалась ещё выше. На первых страницах шли подробные чертежи электронных узлов, сложные электрические схемы, которые всегда завершались одним и тем же — схематичным изображением головы человека, к которой были подключены электроды. Далее следовали пошаговые инструкции к манипуляциям с системой управления неким устройством — «Блокиратором».

В глаза сразу бросились подчёркнутые термины: «гормональные паспорта», «блокиратор гормонов», «центр реабилитации». На схемах были детально прорисованы закрытые боксы и стационарные блоки камер с оптическими линзами — очень похожими на те, что установлены в городе и находятся под контролем его службы. Рядом прилагались сравнительные таблицы наблюдения с показателями состояния людей до и после подключения к «блокиратору».

Орлов медленно опустил руки, переваривая увиденное. Масштаб этой структуры поражал. Теория системы была выстроена безупречно: оптика считывает поведение людей, работники лаборатории считывают мимику через камеры, координационный центр выявляет группу риска, а в реабилитационном центре людей стабилизируют до нужного состояния. Всё это про-

ектировалось как замкнутый конвейер — огромный, монолитный и абсолютно равнодушный к отдельному человеку.

Майор понимал: это пока лишь исследования, которые должны превратиться в серийный конвейер с его помощью. Ему предстояло организовать весь этот процесс в масштабах, размах которых он до конца не осознавал.

Теперь фраза министра про «специфические подразделения» заиграла совсем другими красками. Раньше Орлов искренне считал свою службу обычной армейской рутинной: бесконечные дежурства у пультов, координация систем слежения, выезды на объекты по тревоге. Сейчас пришло чёткое осознание — его словно годами целенаправленно натаскивали именно для этой задачи. Его учили вычислять на экранах скрытые «аномалии» поведения людей: нестабильность их эмоционального состояния, фиксировать микродетали и видеть то, мимо чего остальные проходили, не задумываясь. Весь его прошлый опыт был по сути лишь затянувшейся подготовкой.

«Эмоции...» — Орлов произнёс это вслух и сделал паузу, вдумываясь в смысл слова. — «Самое дорогое, что вообще есть...» — негромко добавил он в пустую комнату. Ладонь сама собой упёрлась в край стола. В глубине памяти появилось лицо дочери — звонкий детский смех, когда она впервые удержала равновесие на двухколёсном велосипеде. Потом — лицо жены, машущей рукой у подъезда. И сразу следом — глухой звук хлопнувшей двери, крошечная темнота и разрывающая тело боль, осознание, что они ушли, оставив записку на кухонном столе: «Мы не можем так больше жить, прости».

Майор резко зажмурился и мотнул головой, силой выбивая из себя эти кадры. Сейчас они были злейшим врагом — путали мысли. Орлов вышел на балкон, глотнул свежего воздуха, чтобы освежить сознание, и посмотрел на унылый городской пейзаж сквозь призму прочитанного. На картинку перед глазами сама собой накладывалась жёсткая сетка: объективы ловят мимику, аналитики вычисляют отклонения, реабилитация гасит вспышки. Порядок на месте хаоса. Абсолютная тишина вместо бури.

«Эмоции мешают жить...», — невольно произнёс он.

Ненавистный звонок телефона снова заставил вздрогнуть, будто кто-то со стороны поймал его на недозволенном. Орлов сделал глубокий вдох, снял трубку и принял привычный строгий тон. Секретарь из министерства говорил быстро, без пауз: напомнил про утренний брифинг в девять ноль-ноль и про готовые соображения по штатному расписанию СЭБ. Напоследок добавил, что за проектом пристально следят с самого верха.

В трубке раздались короткие гудки. Орлов вернул её на рычаг и бросил быстрый взгляд на висевшее в прихожей зеркало. На него смотрело уставшее лицо с плотно сжатыми губами. Но колебания ушли. Весь этот накопившийся за последние месяцы ком — страх оказаться на обочине после развала страны, пустой кошелёк, давящее прошлое — всё это отступило перед сухой логикой новой работы.

— Так надо, — твёрдо сказал он отражению. — Есть приказ. А я офицер.

Он сел обратно к лампе и придвинул чистый лист бумаги. Карандаш мягко заскользил по строкам, оставляя чёткие, аккуратные надписи — первые наброски структуры Службы Эмоциональной Безопасности: секторы ответственности, кадровые требования к кандидатам, первоочередные шаги. Мысли текли ровно, выстраивая железный каркас будущей организации.

Глава 3. Новое назначение

Орлов разглядывал прикрученную к двери кабинета свежую табличку «319». Со вчерашнего дня на двери появилась новая табличка с золотым отливом — это не было случайностью. «Значит, кому-то нужно, чтобы проект заработал максимально быстро», — подумал он.

Его служба видеофиксации занимала старый корпус одного из бывших оборонных НИИ. В коридорах пахло старым линолеумом и пылью — здесь давно не делали ремонт. Но сквозь эти запахи пробивался застарелый душок заброшенных лабораторий и пыльных архивов, въевшийся в кирпич. Орлов потянул ручку и шагнул внутрь кабинета. Увиденное озадачило его настолько, что он на мгновение подумал: «Может, я сплю? Что вообще происходит?»

Новое пространство вестибюля встретило его стерильной, почти больничной белизной стен. На идеально натёртом паркете ровными рядами отпечатывались полосы света от новых светильников. Где-то под потолком монотонно гудел кондиционер — ровный, низкий шум заполнял всё пространство. Здесь действовали уже совсем другие правила, не те, к которым он привык.

За лакированным столом в углу сидела женщина лет тридцати в строгом пепельном костюме, с безупречно уложенными волосами. Руки ровно лежали на клавиатуре компьютера, который появился так же быстро и неожиданно, как и всё вокруг. Спина прямая, плечи неподвижны — вся её поза казалась застывшей.

— Товарищ майор, — она поднялась со стула, сделав короткий, сдержанный кивок. — Я ваш секретарь, Елена Викторовна. Все рабочие материалы к вашему прибытию подготовлены.

Орлов спокойно кивнул в ответ, не выдавая удивления. Женщина двигалась поразительно точно, без единого лишнего или спонтанного жеста. Каждое движение — от поворота головы до шага в сторону — выглядело так, словно его заранее просчитали и выверяли до миллиметра.

Он зашёл в свой «старый новый» кабинет. Рабочее пространство занимало солидную площадь, но казалось забитым из-за обилия свежего оборудования. Посередине высился стол из светлого дерева, рядом гудел системный блок с массивным монитором, у стены поблёскивала бронированная дверь сейфа. Под самым потолком замер тёмный глазок купольной камеры. На стене висела огромная карта: десятки жирных красных маркеров были раскиданы по всей площади, от границы до границы, резко выделяясь на белом ватмане.

— Монтаж закончили вчера к полуночи, — Елена Викторовна остановилась у порога. — Линия связи защищена, доступ к архивным базам открыт. Первоочередные отчёты у вас на столе.

Орлов опустил в кресло. «Кто давал распоряжения на всё это?»

— Товарищ майор, согласно моей должностной инструкции, я не имею права обсуждать приказы вышестоящего командования, — ответила секретарь.

— Я всё понял, — тихо сказал Орлов. Новая обивка оказалась слишком мягкой, тело слегка утопало в ней, лишая привычной офицерской собранности. Майор положил ладони на прохладную, идеально гладкую столешницу. Папки, которые он ещё ночью листал на съёмной квартире, теперь лежали здесь. Из объекта изучения они превратились в прямое руководство к действию.

Жёсткие страницы «Омеги» глухо шуршали при перелистывании. Глаза методично цепляли уже знакомые строки — теперь за каждым сухим словом стояла конкретная организаторская задача.

На одном из графиков майор задержался. Это была детальная ведомость развёртывания спецобъектов по округам. Сухие цифры фиксировали плотность будущей сети: полтора десятка комплексов реабилитации для центральных областей, тридцать — для южного направ-

ления, ещё пятьдесят точек — под развёртывание на севере. План предусматривал тотальное покрытие. Орлов на секунду представил этот отлаженный, колоссальный механизм в действии: города, где полностью исчезли спонтанные крики, уличные ссоры и громкий смех. Стерильные, безопасные улицы, где слышно только мерное вращение сервоприводов на камерах слежения.

Ночью это казалось масштабной теорией, но сейчас на столе лежал готовый инженерный чертёж — серийный конвейер, созданный для того, чтобы методично перерабатывать человеческие чувства.

— Елена Викторовна, — Орлов поднял голову от бумаг. — Нужен первичный отбор кандидатов на должности операторов мониторинга. Ищите людей с опытом в аналитической обработке массивов и базовой психологической подготовкой. Плюс инструктаж для отобранных. Завтра в десять ноль-ноль проведём первое установочное собрание.

— Сделаю, товарищ майор, — отозвалась референтка из-за монитора. Тон остался ровным. — На ваш защищённый канал связи поступили три шифрограммы от куратора направления. Разрешите расшифровать?

Рука Орлова с карандашом на секунду зависла над листом бумаги. «Куратор... Понятно. Сквозной контроль работает в обе стороны, и за начальником службы присматривают не менее плотно», — внутри шевельнулся сухой, трезвый вывод: «Я больше не внешний строитель этого ведомства. Я уже сижу внутри него. Обычный рабочий элемент».

— Декодируйте, — приказал майор. Голос прозвучал спокойно, по-уставному.

Пока секретарша вбивала ключи доступа, Орлов где-то глубоко на периферии сознания почувствовал смутное, давящее беспокойство.

— Елена Викторовна, — Орлов обернулся к женщине. — Лично вы как считаете? Человеческие эмоции — это действительно прямая угроза безопасности?

Она оторвалась от дисплея и посмотрела прямо на него. Взгляд — чистый, пустой, абсолютно ни за что не цепляющийся.

— Эмоции — это неконтролируемый хаос, товарищ майор. А любой хаос ведёт к деструкции. Разве перед вами поставлена другая задача?

По затылку скользнул знакомый утренний сквозняк. Женщина просто повторила его собственную ночную логику, но в её исполнении эти слова прозвучали как готовый системный приговор. Орлов окончательно понял: перед ним не просто исполнительная сотрудница. Елена Викторовна была готовым слепком этого министерства. И если штатные кадры рассуждают в таких категориях, значит, наверху решение принято окончательно и бесповоротно.

Он поднялся с места, шагнул к стене и жёстко прижал ладонь к одному из красных кругов на ватмане.

— Значит, так тому и быть. Никакого хаоса. Только жёсткая структура.

Глава 4. Архив «Омега» и Орлов

Раньше, возглавляя ведомственную службу наблюдения, Орлов привык работать с совершенно другими масштабами. Его прежняя сеть видеокамер контролировала лишь главные точки скопления населения: центральные площади, перроны вокзалов и вестибюли метро. Годами он наблюдал через экраны за повседневной жизнью толпы. Из общей массы периодически выбивалось резкое, агрессивное поведение граждан или чрезмерные эмоциональные вспышки, которые иногда приводили к нехорошим последствиям.

Теперь перед ним лежали доказательства: у каждого подобного социального взрыва есть конкретная биологическая формула. Избыток гормонов, сбой в лимбической зоне — и разум отключается. Идея системы контроля, которую решено было развернуть, больше не казалась ему пугающей. Она выглядела единственным трезвым решением: срезать эти пики, выровнять биологический фон — и наконец наступит тишина. Настоящая, предсказуемая безопасность, которой так не хватало последние годы.

— Елена Викторовна, — Орлов отложил карандаш, не глядя на дверь.

Она появилась на пороге мгновенно и бесшумно. Майор поднял на неё глаза. В этой женщине подкупало полное отсутствие суеты — ни лишних вздохов, ни поправления причёски, ни глупых вопросов. Идеальный исполнитель.

— Нам нужна совершенно другая оптика, — Орлов повернулся к монитору. — То, что сейчас висит на улицах и на транспортных узлах, никуда не годится. Мои прежние аналоговые камеры выдают нечёткое изображение. Вместо лиц — серые силуэты.

Секретарь молча вывела на большой экран стоп-кадр с центральной станции. Картинка действительно оставляла желать лучшего: при увеличении лица прохожих распались на крупные пиксели. Разглядеть в такой каше движение губ, микроприщурки глаз или мелкие жесты рук было физически невозможно.

— Из-за низкого разрешения мы будем работать вслепую, — Орлов жёстко нахмурился. — Мы вынуждены домысливать мотивы людей, а это прямой путь к ошибкам. Нам нужны чёткие исходники. Только тогда данные будут истинными.

— Новые камеры высокой чёткости есть на складах резерва, — мгновенно ответила Елена Викторовна и сразу открыла нужный файл со складскими остатками. — Они фиксируют малейшее изменение мимики и положение кистей рук даже в плотном потоке. Но для их монтажа придётся полностью переделать кабельные линии.

Орлов выслушал её доклад и, почти не задумываясь, отдал следующую команду:

— Приоритет первой очереди — те самые вокзалы и метро, где сеть уже развёрнута. Центральный узел связи министерства готов принять нагрузку. Проблема возникнет только с окраинами: там старую аналоговую оптику придётся полностью демонтировать. Начинайте и переделывайте.

— Я думаю, нам не хватит того, что есть на складах, — секретарша понимала, что данное указание не выполнить в полном объёме.

— Начнём со столицы. Запрашивайте у министерства допуск к резервным складам. Мы должны получать только стопроцентные данные, без всяких догадок. Либо мы видим скрытую агрессию и жесты чётко, либо эта модернизация вообще не имеет смысла. — Орлову показалось, что всё это начинает ему нравиться: он оказался в своей тарелке, вошёл в раж. — И... — на секунду он затянул паузу, — готовьте помещение для инструктажа.

— Будет сделано, товарищ майор, — ответила секретарь.

Орлов удовлетворённо кивнул. Профессионализм этой женщины начинал вызывать у него подсознательное уважение. «Интересно, она сама когда-нибудь плакала? Или радовалась по-настоящему, до крика? Вряд ли», — подумал он.

Когда тяжёлая дверь за ней закрылась, Орлов снова обратился к материалам, глубже погружаясь в чтение. Страницы отчётов открывали перед ним совершенно новые пласты конфиденциальной информации. По мере того как сухие медицинские и технические данные складывались в единую картину, Орлова охватил чисто профессиональный, холодный азарт. Сама идея захватила его целиком. Мысль о том, что хаос можно подавить на биологическом уровне через экраны мониторов, теперь казалась единственно верной.

На долю секунды внутри кольнуло — короткий, дурацкий вопрос: «А если вместе с хаосом мы выжигаем саму жизнь?» Но сомнение тут же разбилось о холодные факты. Орлов прекрасно понимал, что человеческая природа слишком нестабильна. Оставленный без контроля разум легко поддавался базовым инстинктам, превращая свободу в анархию. Без внешнего укрощающего алгоритма, без чётких рамок общество просто не сможет развиваться дальше. Задуманная им схема модернизации была не уничтожением жизни, а хирургическим инструментом, отсекающим деструктивные элементы ради общего спасения.

План зрел внутри его головы, медленно обрастая деталями. Он пока никуда не заявлял об этом, не отправлял рапорты наверх и не отдавал приказов инженерам. Сырая, но грандиозная идея просто жила в мыслях, целиком подчиняя себе его воображение.

Глава 5. Рождение монстра

Грифельный карандаш оставил на ватмане ровную, чуть шероховатую линию. Орлов соединил на схеме три ключевых элемента: камеры, центральный дата-центр сбора и анализа информации и реабилитационные центры. На бумаге не было лишних надписей — только три жирные точки, вдавленные грифелем до глянцевого блеска. Концепцию системы анализа эмоционального состояния людей майор мысленно назвал «Тенью».

Утро началось с совещания. В кабинете собрались несколько инженеров из института «Гармония» и два аналитика СЭБ. Разложив на столе чертежи, Орлов постучал карандашом по краю стола, привлекая внимание присутствующих.

— Вопрос касательно необходимости установки новых, более качественных камер мы решили, — произнёс он. — Качество изображения должно позволять вовремя фиксировать мельчайшие изменения в поведении людей на улице: дрожание век, подрагивание губ, напряжение мышц шеи, жесты и интонации голоса.

Ведущий инженер, седовласый мужчина в очках, согласно кивнул:

— Мы усовершенствовали механический привод — теперь камера может плавно поворачиваться и фокусироваться на конкретном человеке в толпе.

Орлов не поднял глаз от схемы, лишь сильнее прижал край листа ладонью.

— Нужно добиться, чтобы камеры передавали не только видео, но и аудиопоток. Операторы на дежурстве должны фиксировать не только основные параметры эмоциональных составляющих: признаки стресса, потливость, учащённое дыхание, интонации и резкие движения, выдающие скрытую агрессию, — но и в буквальном смысле ещё и слышать нестабильных!

Молодой аналитик СЭБ открыл блокнот и сделал быструю пометку.

— Товарищ майор, а как быть с обработкой данных? Если камер будет много, объём информации станет огромным. Операторы физически не смогут успевать всё фиксировать вручную.

Орлов улыбнулся — этот этап он просчитал заранее.

— Для этого мы создадим центральный дата-центр. Там будут собраны все данные, которые операторы вручную вносят в систему. Мощные вычислительные машины обработают эту информацию по сложным математическим моделям. Алгоритмы будут оценивать уровень эмоциональной нестабильности по десяткам параметров: социальному положению, возрасту, профессии, недавним событиям в жизни человека, архивным выпискам из системы «Омега» и, конечно же, данным гормональных паспортов тех, кто уже «под наблюдением».

Инженеры молча переглянулись. Седовласый проектировщик осторожно поправил очки.

— Вы хотите создать систему, которая будет не просто наблюдать, а накапливать данные эмоциональных реакций?

— Именно, — подтвердил Орлов. — Когда система выявляет «нестабильного» гражданина, данные будут автоматически передаваться в ближайший реабилитационный центр. В будущем это позволит возвращать людей в общество уравновешенными, способными действовать рационально, без опасных всплесков эмоций. В нём ещё оставалась часть того бывшего идеалиста, который вырос в Союзе. Возвращение... Эта мысль ещё оставалась от «прежнего» Орлова.

После совещания Орлов остался один. Он снова посмотрел на проект-схему. Теперь она казалась ему живой — пульсирующей сетью, охватывающей город, а в перспективе и всю страну.

Погружение в проект было максимальным, мысленно выстраивались ключевые компоненты будущей системы.

В основе всего лежали камеры-считыватели — глаза и уши «Тени». Они должны были передавать видео- и аудиопоток в реальном времени, не пропуская ни единого мгновения. Оснащённые усовершенствованным механическим приводом, эти устройства могли плавно поворачиваться и фокусироваться на конкретном человеке даже в плотной толпе. Высокое качество изображения сохранялось даже при сильном увеличении, позволяя операторам детально изучать поведение людей круглые сутки — система работала в режиме 24/7.

За работой камер следили операторы СЭБ — внимательные наблюдатели, чья задача заключалась в том, чтобы не упустить ни одной важной детали. Они неотрывно следили за видеопотоком, фиксируя микровыражения лиц, едва заметные жесты и интонационные нюансы. Каждый подозрительный случай отмечался для дальнейшего анализа, а собранные данные операторы вручную вносили в центральный дата-центр — своеобразный мозг всей системы.

Центральный дата-центр принимал, хранил и обрабатывал всю поступающую информацию. Мощные вычислительные машины, вооружённые сложными математическими алгоритмами, оценивали уровень эмоциональной нестабильности по множеству параметров: социальному положению, возрасту, профессии, недавним событиям в жизни человека, архивным выпискам из системы «Омега» и данным гормональных паспортов тех, кто уже находился «под наблюдением». Система не просто фиксировала текущее состояние — она училась прогнозировать всплески агрессии или паники, строя прогнозы на основе накопленных данных. По итогам анализа центр формировал подробные отчёты для реабилитационных центров, указывая конкретных граждан и давая рекомендации по стабилизации их состояния.

Завершающим звеном цепи становились реабилитационные центры — перспективный этап развития «Тени». Получив из дата-центра данные о «нестабильных» гражданах, они принимали людей на курс стабилизации, направленный на снижение уровня стресса и тревожности. Специалисты центров внимательно отслеживали динамику изменения состояния каждого пациента. После завершения курса человек возвращался в общество — уравновешенный, способный действовать рационально, без опасных всплесков эмоций.

Орлов замер на секунду и закрыл глаза.

В дверь постучали. Вошла Елена Викторовна.

— Товарищ майор, — доложила она, — поступило сообщение: министр желает получить предварительный отчёт о проделанной работе.

Орлов открыл глаза. Взгляд его был твёрд.

— Подготовьте зал для испытаний, — сказал он. — Начнём с пилотного проекта в центре города. Подключите к работе первых десять операторов. Пусть первые данные поступят в дата-центр уже завтра.

Он взял лист и написал на нём печатными буквами «Тень», после чего сложил лист бумаги в несколько раз и передал секретарше.

— Это и есть отчёт, — произнёс Орлов.

В этот момент секретарша краем глаза заметила, что на экране компьютера Орлова — семейная драма, которая развернулась прямо у министра дома. Она увидела, как он кричит, как горят его глаза, и всё поняла: «Орлов заходит куда дальше, чем я себе представляла».

Глава 6. Дело школьницы

Орлов сидел, не отрывая взгляда от изображения на экране: маленькая девочка, Катя, бегала по улице, всматривалась в прохожих, заглядывала под скамейки и громко звала собаку. Её голос срывался, она то останавливалась, вглядываясь вдаль, то снова бросалась вперёд, выкрикивая кличку. Рядом красным шрифтом мигало сообщение от операторов СЭБ: «Нестабильность 3-го уровня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.